

Среда. Львы

Лев Семенович нечаянно умер в среду. Ночью встал попить воды, а когда вернулся, обнаружил собственное тело в кровати. Он попытался лечь в себя обратно, но было ужасно неудобно — везде кололо, давило и чесалось. Лев Семенович поворочался в своем теле некоторое время, постепенно становясь прозрачнее, потом плюнул и встал, просунул ноги в тапочки, и от реальных тапочек отделились их полупрозрачные двойники.

Лев Семенович походил по дому, полил цветы, проверил, чтобы справочники стояли строго по алфавиту, посчитал конфеты в вазочке и заскучал. Он не хотел будить супругу, поэтому взял полупрозрачные копии ключей и отправился немного пройтись.

Хлопнув дверью парадной, Лев Семенович обнаружил, что вышел в чем был — в пижаме и тапочках на босую ногу, но холода при этом не чувствовал. Снег приятно похрустывал, тапочки немного скользили, что, впрочем, не вызывало никаких неудобств.

Лев Семенович отправился к Неве, по привычке спрятав руки в карманы и немного сгорбившись, чтобы ветер не задувал за воротник. Он прошел мимо ограды Лютеранского кладбища и вдруг почувствовал сильную усталость. Захотелось присесть или даже прилечь. Да, прилечь было бы

еще лучше. Желание это мгновенно овладело Львом Семеновичем, и он, чтобы сократить путь, неловко полез через забор. В процессе потерял одну тапочку, но разыскивать ее не стал — просто пошел по разбитой дорожке к памятникам.

Сквозь один из них проросло дерево, которое тоже как будто окаменело. Картина эта всегда бередила в Льве Семеновиче самые потаенные страхи. Но в этот раз он посмотрел на изувеченный памятник с некоторым странным умиротворением. Присел рядом, потом прилег, закапываясь в бестолковый рассыпчатый снег.

Зарыться как следует не было никакой возможности, поэтому Лев Семенович пошел дальше, к склепам. У одного из них, заброшенного и покосившегося, сбоку была внушительная трещина, в которую без труда можно было пролезть. Лев Семенович спустил внутрь ноги, потом протиснул торс. На мгновение вся эта затея показалась Льву Семеновичу странной и даже противоестественной, но что-то засасывало его внутрь и как будто совсем не хотелось сопротивляться.

Лев Семенович повис на руках, царапая снег. Стало как будто бы страшно, хотя и немного понарошку. Лев Семенович ослаб, тихо вскрикнул и провалился в темноту склепа.

Внутри было темно и были четверо. Они сидели за столом на придвинутых к столу каменных гробах. На столе стоял высокий самовар.

Женщина чиркнула спичкой и зажгла свечу. Молодой мужчина подошел к Льву Семеновичу, осматривая его с интересом. Но подняться не помог.

— Опять бомж? — спросил старик.

— Не похоже. Видит он нас.

— Неужто! — Мужчина с рваной раной на горле подошел ближе.

— Вы, любезный, как-то не до конца упокоились. — Четверо нависли надо Львом Семеновичем.

— И ботинок где-то потеряли, — заметила женщина.

— Покойник — не покойник, не все ли равно. Развлечет нас на некоторое время.

— Простите. — Лев Семенович наконец поднялся, отряхивая пижаму. — Почему все вы здесь?

— А на той стороне еще хуже, — сказал молодой мужчина. — Там вообще ничего. Одиночная камера, если угодно.

— И то лучше, чем с вами, — сказал мужчина с рваной раной на горле. — Желаете возненавидеть своих родственников? Тогда нужно заранее беспокоиться о погребении в семейном склепе.

— Так вы все семья?

— Верно. Только вот он убил мою матушку.

— А ты убил меня.

— Только теоретически. — Старик поднял вверх указательный палец. — Технически это сделал другой человек.

— Я не собирался лежать тут вместе с вами. И упомянул об этом в завещании.

— В завещании читают только пункт о разделе имущества. Прочее никому не интересно.

— Может, в карты? — перебила женщина.

Разговоры стихли.

— Карты наскучивают еще быстрее, чем беседы. Поэтому мы бережем это изысканное удовольствие для особых случаев.

Женщина перемешала засаленную колоду и раздала на пятерых. Лев Семенович потянулся за своими. Мужчина с рваной раной на горле его остановил.

— На что играем, сударь?

— Не знаю, у меня ничего нет, — смутился Лев Семенович.

— У нас тоже, кроме самовара, ничего. Мы на души друг друга играем.

— А зачем они вам?

— Для азарта, — ответила женщина.

Лев Семенович потянулся за картами, но не успел их взять. В голову ему прилетела его собственная полупрозрачная тапка.

— Уважаемый, не трогали бы вы эти карты. — В щель склепа просунулась голова. — Крапленые они, да и вообще. Значит, так, господа заключенные, — сказала голова, — отпустите душу, либо я вам еще по сотне лет накину.

Женщина разочарованно задула свечу, и они так и остались сидеть в темноте.

Человек помог Льву Семеновичу вылезти из склепа.

— Кто эти люди?

— Гиблые души. Чистилище у них такое.

— А я им зачем?

— Надеются оставить вас вместо себя и сбежать. — Человек вытер руку о куртку. — Я Лев Иванович, местный сторож.

— И я Лев. Семенович.

Лев Иванович очень заинтересовался этим совпадением и даже начал трясти руку с большим энтузиазмом.

— Ну тогда идемте, я вас до дома провожу.

— И как же я в таком виде домой? — Лев Семенович осмотрел свою полупрозрачную фигуру.

— Ну да, ну да, помер. Ну, с кем не бывает.

— Так почему же я здесь?

— Не знаю, держит что-то. Или кто-то.

— Мы с супругой, Валентиной Сергеевной, обычно за руки держимся во сне. Давно уже так.

— Так вот она вас и держит.

— Но мне бы не хотелось умирать. Может, можно как-то отсрочить, вы не знаете?

Лев Иванович задумался.

— Идемте. Есть тут у меня одна знакомая. Она должна знать за такие вещи.

Они неспешно дошли до Невы. Лев Семенович, как обычно, погладил огромные лапы сфинксов. Против обыкновения, они оказались теплыми. Льву Семеновичу показалось, что на льду, прямо в тени фонаря, кто-то копошится. Он присмотрелся и понял, что вся река от берега до берега полна дерущимися людьми. Кто-то в доспехах, кто-то в одной рубахе.

— Что происходит?

— Война, — безразлично ответил Лев Иванович. — Призракам скучно.

— Почему же они не уходят в загробный мир?

— Так кто ж по своей воле уйдет из Питера? К нему всей душой прикипаешь.

— Но почему война? Что им делить?

— Если в жизни нет ни капли смысла и логики, то откуда им взяться в смерти?

Льва Семеновича повалили на лед и занесли над ним огромный, весь в царапинах, меч.

— Мы в домике, — прокричал Лев Иванович и оттолкнул мечника. — Нет, дружище, по мосту опасно, но по льду очень уж неприятно. Идемте.

Оба Льва поднялись к мосту.

Лев Семенович вдруг почувствовал неприятный холодок у голых щиколоток.

— Если будет сдувать, держитесь за перила. И губы не облизывайте, и не дышите глубоко — иначе окончательно смерть, — сказал Лев Иванович.

И они пошли по мосту.

Сначала было просто неприятно. Потом стало холодно. Лев Семенович почувствовал, что он в тонкой пижаме и в тапочках на босую ногу и что больше не может игнорировать этот факт.

Когда он замерз так, что хотелось плакать, подул ветер.

Ветер был злым и голодным. Льву Семеновичу стало больно, жгуче и ужасно обидно. Он понял, что идет на месте, поэтому взялся за перила, чтобы хоть немного продвигаться вперед.

Вокруг ничего не было видно. Его полупрозрачные глаза будто остекленели. Дышать не получалось. Губы стали похожи на вздыбленные в ледоход льдины. Лев Семенович закрыл лицо ладонью, но ее обожгло так, что стало больно шевелить пальцами.

Когда Лев Семенович понял, что окончательно умрет на мосту, теплая рука выдернула его на тротуар.

— Вам, мертвым, такое нельзя. Это и живым-то зимой не очень рекомендуется. — Лев Иванович встал. — Ну, пойдете, а то утро скоро.

Они прошли мимо Новой Голландии, прошли через один двор, потом через второй и еще через скрипучую калитку третьего.

Лев Семенович начал согреваться и возвращаться к своей призрачной, но вполне приятной жизни. Свет в редких окнах привлекал его необычайно.

— Пришли, — сказал Лев Иванович.

Лев Семенович оторвался от окон и увидел паб. Прямо в центре небольшого двора-колодца.

За стойкой была красивая девушка, но как только она увидела Льва Ивановича, то голова ее превратилась в львиную.

— Кто разрешил тебе покидать пост, сторож?

— Вот. — Лев Иванович подтолкнул Льва Семеновича вперед. — Нашел разгадку. Он Лев, но не лев. Живой, но не живой. Ходит, но с места не сдвигается.

Девушка со львиной головой обратно стала просто красивой девушкой. Хотя и потеряла при этом часть своего незримого очарования.

Она хмыкнула и дважды обошла Льва Семеновича.

— И правда. Вот уж не думала, что так бывает. И что же, хотите быть львами, зубастыми и гривастыми? И сторожить Петербург вечно?

— Я очень хочу, — сказал Лев Иванович, — и давно.

— Об этом я слышана. А что же другой Лев?

— Даже не знаю, — признался Лев Семенович.

— Ну сколько вы проживете человеком? Несчастный век?

— У меня Валентина Сергеевна. Не хотелось бы ее оставлять.

— Вы, Лев Семенович, уже умерли. Но так не хотите этого, что гуляете по Петербургу практически в неглиже.

— А можно хоть немного отсрочить? Хочется с супругой еще пожить. А потом уж можно и львом. Потом мне безразлично.

Девушка подняла бровь.

— Договор.

На рассвете Лев Семенович зашел в свою квартиру. Положил ключи в ключи, поставил тапочки в тапочки. Присел на краешек кровати, чтобы рассмотреть Валентину Сергеевну в первых лучах солнца.

Утром Лев Семенович проснулся от запаха жареной картошки.

— Левушка, просыпайся! Ты так всю жизнь проспичь.

Как бы крепко ни держал Лев Семенович руку Валентины Сергеевны, через семь лет, в среду, она тихо умерла. После похорон Лев Семенович зашел домой, полил цветы, проверил, что справочники стоят строго по алфавиту, и погладил фотографию супруги.

Лев Семенович вышел из дома и больше никогда туда не вернулся. Он пришел на кладбище, поздоровался со Львом Ивановичем и лег у могилы супруги.

— Идите, я теперь здесь посторожу.

Лев Семенович сложил тяжелую каменную башку на лапы и уснул.

Батон, Пранаяма и СИНИЙ КИТ

Кот уснул.

Макс шел по городу, здороваясь со всеми знакомыми львами и мостами. Он дал имя каждому, понимая их суть и характер. Львы были благодарны. С мостами дело обстояло сложнее. Иногда они обижались, ведь Максим не знал их настоящих названий. Поэтому, когда пьяные туристы спрашивали, где находится обозначенный мост, Макс просто врал, что не местный. Хотя по его небрежной манере носить пальто и броги можно было заподозрить иное.

Макс зашел в магазин обатониться — так он называл покупку длинного французского багета. В бакалейном отделе взял вдобавок банку шпрот и отправился к кассе. Там его встретила женщина с волосами, похожими на сладкую вату, и с морковного цвета помадой.

Максим трепетно относился к именам. Он всегда читал, что написано на бейджах, и строго исходя из этого обращался к людям.

— Добрый день, Татьяна.

— Пакет нужен? — Она пикнула шпротами и, повздыхав, принялась вводить код батона.

— Нет. — Он положил банку шпрот во внутренний карман.

— Наличными или по карте?

— Татьяна, мне кажется — или на прошлой неделе вас звали Ольга?

— Чего?

Макс указал на ее мягко поникшую грудь.

— А, это. Да какой попался, тот и взяла. Не все ли равно?

— Как же я смогу отблагодарить вас, не зная имени?

— Да никак, зато и жалобу не накатаешь. — Кассирша грустно улыбнулась.

— Как вас зовут, Татьяна?

— Рая я.

— Спасибо вам, Рая.

По дороге домой Макс встретил девушку, которая выгуливала огромного черного дога. Каким бы путем Максим ни возвращался, они всегда пересекались на тротуаре возле ямы. Яму Макс звал Пранямой, потому что она была похожа на вдох земли. А вот как звали девушку, Макс не знал. Она всегда была в наушниках, и он не смел нарушать ее покой.

По вечерам Макс писал. Он относится к литературе как к сожительнице, с которой останется до конца дней. Романтики Максим давно не ждал.

Но, несмотря на это, текст любил его. Любил за внимание к деталям. За бережливость и за точность имен. Ведь, даже садясь писать копеечные отзывы для интим-салона, Макс во всех подробностях представлял людей, чьими головами будет говорить.

Прежде всего он придумывал имя и возраст. Сразу понимал, женщина это будет или мужчина. Потом возникали особенности речи, сначала устной, а потом и письменной — мягкие окончания, неправильные ударения, дурацкие фразочки,

запятые после пробела, — все то, что за годы нарастало на человека и делало его живым. Вслед за этим становилась ясна история. Она проступала в темной комнате Макса, как изображение на фотобумаге. Оставалось только развесить фотографии сушиться, выслушать придуманного человека и записать его гневные, забавные или полные тоски комментарии.

Ближе к ночи позвонил Павлик и позвал кутить. Максиму кутить не хотелось, но и писать про виды латекса было тошно. Поэтому он взял длинный французский батон и, будто вооружившись шпагой, пошел к мостам.

Макс прошел по булыжной мостовой, которую звал Мурашкина, и сел на парапет у воды. Он задумчиво жевал, наблюдая за неподвижностью моста. Из реки показалась русалка. Ее кожа походила на внутренности картофельных очистков. Волосы были как длинная линялая мишура, совсем не то что у русалки из мультфильма. К губам прилипла чешуйка.

«Наверное, если жить с русалкой, — подумал он, — то по всей квартире будут не только волосы, но и чешуя».

— Угостишь? — Русалка указала на батон.

— Конечно.

Она взяла и понюхала.

— Сухой. Так приятно, когда внутри тебя есть что-то сухое. У вас ведь наоборот, да? — Не дождавшись ответа, она снова спросила: — Выпить хочешь?

— Пожалуй.

— Подержи, только не уходи. — Она вернула круглый батоний хвост и скрылась под водой.

Макс остался совсем один. Он размышлял о том, сложно ли жить с русалкой и какие счета будут приходиться от Водоканала.

— Вот. — Она протянула бутылку вина, заросшую илом. — Мне такое без надобности.

— Как тебя зовут?

— Не знаю.

— Хочешь быть Невкой?

— Невкой? А малой или большой?

— Всякой.

Она аккуратно, как-то не по-человечески, надкусила батон мелкими острыми зубками:

— Хочу.

Они еще немного посплетничали о мостах. Она доела батон, а он допил вино.

— Я пойду, пожалуй.

— Спасибо. За хлеб и за имя.

Она по-рыбьи открыла рот в нерешительности.

— Хочешь, секрет скажу? Про тебя. Про вообще всех.

— Давай.

— Вы все спитесь котам. И чем лучше им спится, тем лучше у вас жизнь.

Макс задумался:

— Весьма вероятно. А ты?

— Что я?

— Тоже снишься коту?

— Не, мы же разные. Я снюсь огромному синему киту.

Он такой большой, что может видеть сны про множество русалок за раз. Поэтому все мы сестры.

— Спасибо за секрет и за вино. Надеюсь, твоему киту хорошо спится.

— Надеюсь, твоему коту тоже.

Макс возвращался домой под утро, по привычке путая следы и думая о Невке. Он шел мимо мусорного бака, которого называл Карабас-барабак из-за страшного грохота.

На нем сидел знакомый кот. В уличных драках он потерял глаз, но не утратил королевского достоинства. Всем своим видом он как бы говорил: «Я вижу своим одним больше, чем ты когда-нибудь сможешь увидеть двумя».

Кота Макс не называл никак. Он знал: как только даст коту имя, сразу придется за него беспокоиться.

Кот сонно потянулся. Макс остановился.

— Привет.

Кот сдвинул уши.

— Пойдешь со мной?

Кот осмотрел Максима.

— Я дам тебе имя. Говард Филлипс. Тебе нравится?

Говард Филлипс зажмурил свой зеленый глаз в знак одобрения.

Макс и Говард Филлипс зашли в квартиру. Макс был смущен, потому что давно не водил к себе гостей. Говард Филлипс смущен не был. Он быстро исследовал территорию и признал диван законной собственностью.

Макс гладил Говарда Филлипса, пока тот не уснул. Он спал так безмятежно, что можно было не сомневаться — человек, который снится Говарду Филлипсу, точно счастлив.

Утром Макс спустился в бакалею, чтобы купить Говарду Филлипсу еды и прочих кошачьих принадлежностей. У кассы была длинная очередь. Мимо прошла Рая.

— Добрый день, Рая. — Максим поздоровался с ней, как здоровался с любым знакомым львом или мостом.

Женщина остановилась и улыбнулась, показывая морковную помаду на зубах:

— Добрый. — Она осмотрела Максима и сказала непреклонно: — Идем, я для тебя кассу открыла.

Рая пробивала покупки и напевала.

— Сама не знаю. Проснулась сегодня, и как будто дышать легче стало. Такое хорошее настроение. И день такой хороший.

На бейдже красовалось гордое: «Раиса».

Вечером, когда Макс возвращался домой, на него налетела собака и принялась обнюхивать и стучать хвостом по огромным бокам.

— Фу! Эдгар, фу, кому сказала. — Девушка сняла наушники. — Ты извини, он вообще спокойный.

— Я кота завел, наверное, из-за кота.

— Точно. — Она улыбнулась. — Он любит котов. Такая вот странность. А меня Алиса зовут.

— Макс.

— Сегодня день такой хороший. Не как обычно. Может, погулять хочешь?

— Хочу. Давно хотел, — вдруг признался он.

— А я давно тебя тут жду. У ямы.

— Я зову ее Пранаяма, — зачем-то ляпнул Макс и тут же об этом пожалел.

Сейчас она посчитает его психом и сбежит.

— А я зову ее Лила Туранга, — сказала Алиса и осталась.

Они гуляли до утра и говорили обо всем. Потом он проводил Алису и Эдгара По домой, но продолжал вести с ней внутренний диалог.

В восемь зазвонил телефон.

— Максим, ты извини, что так рано, но я не спал всю ночь.

— Бывает, светло же.

— Нет, я не про это. Просто день такой хороший и ночь. Но не суть. Я перечитал твой роман. Знаешь, мне понравилось. Раньше не нравилось, а теперь как будто что-то изменилось. И плевать, что неформат. Я хочу его издать.

- ...
- Алло, ты там?
- Да.
- Почему молчишь?
- Глажу кота. Он так спит сладко.
- Ты извини за то, что тогда наговорил. Период был сложный. Так что, заедешь завтра в издательство?
- Заеду. С собакой к вам можно?
- Ты и собаку завел?
- Не я. Просто не один буду.
- Да хоть с русалкой. Ты, главное, больше никому рукопись не отправляй, ладно?
- Идет.

Максим почесал Говарда Филлипса, тот выпустил когти от удовольствия и перевернулся на другой бок. Засыпая, Макс думал, что кот, которому он снится, наконец-то видит хороший сон.

Кот проснулся.

Питерская одиссея

Пирушка у Павлика достигла того момента, когда все замедлилось или прекратило происходить вовсе. Самой активной стала легкая штора, дышащая ночным ветром. Она то опадала, то надувалась, будто бок огромного спящего существа. Где-то побулькивал задыхающийся кальян, на диване целовались.

Максу надоело наблюдать за шторой, и он отправился на кухню. Там, как водится, осталось два философа, которые были призваны силой мысли решить все загадки бытия. Максим немного посидел с ними, но так и не вошел в резонанс. Как только он ловил ускользящую мысль, она убегала и отращивала хвост заново.

Павлик сидел на подоконнике и ел некрасивые соленые огурцы из банки.

— Начинаю забывать, как нужно правильно веселиться, — пожаловался он. — Думаю, еще несколько лет — и я стану на что-нибудь копить или, того хуже, строить планы на будущее.

— Фигня, это как кататься на велосипеде, ты никогда не разучишься. — Макс уселся рядом. — Бросай огурцы и поехали к нам. Алиса обрадуется. Будем слушать пластинки и дыхание чая.

— Пластинки и чай? — Павлик запустил руку в банку. — Неужели я все еще ведушь на такое?

— Еще как. Не бойся, коньяк поедет с нами.

— А огурцы?

— И огурцы, — великодушно согласился Макс.

Они взяли початую бутылку коньяка, банку некрасивых огурцов и вышли в выцветшую ночь. Их путь лежал вдоль дороги. Макс изредка оборачивался на шум двигателя и голосовал. Мимо проехал троллейбус с разбитой фарой и остановился. За рулем никого не было. Двери открылись, и Макс с Павликом зашли.

Салон был нарядно украшен бумажными снежинками, плешивым разноцветным дождиком и плакатами со щенками и котятами.

— Куда вам? — спросило существо, угнездившееся на отделанном мягкими игрушками кондукторском троне.

— Нам бы домой, — ответил Максим.

— Дом — понятие метафизическое, — ответило существо и выпустило из себя несколько рук для перемещения.

— Кто вы, уважаемый? — поинтересовался Павлик.

— Я троллейбусный пастух и вывожу троллейбус на кормление каждую пятую ночь месяца.

— Наверное, ваш троллейбус не любит февраль, — заметил Макс.

— Совершенно верно, — откликнулось существо, — но ему понравится вы.

— Съесть нас вздумали? — забеспокоился Павлик.

— Разумеется, — откликнулось существо, — мне нужно кормить троллейбус, за этим я и живу. Да и вас не жалко, — заурчало существо.

— Это еще почему? — возмутился Макс.

— Раз вы ходите в ночи, значит, никому не нужны.

— Послушайте, нас ждут, нам заваривают чай, — запротестовал Максим.

Существо потрогало воздух своими руками-лапками.

— Тебя только ждут. Ты можешь идти, а его, — существо указало на Павлика, — съедят.

— Знаешь, а оно в чем-то право. Меня действительно никто и нигде не ждет, — печально заключил Павлик.

— Не раскисай. У меня есть план, — прошептал Макс. — Мы раскачаем троллейбус, и у него оторвется рог. Тогда существо выйдет, и мы успеем сбежать.

Павлик кивнул в ответ. Даже если тебя никто не ждет, это не повод, чтобы кормить собой муниципальный транспорт.

Они стали бегать из стороны в сторону, раскачивая троллейбус. В конце концов рог отвалился, и все замерло. Существо приоткрыло глаз, недобро посмотрело на Павлика с насеста, затем вышло и плотно закрыло за собой двери.

— Скорее открывай люк, — быстро сообразил Макс, — вылезем через верх.

Они выбрались через открытый люк на крышу, и когда существо вернулось, то не обнаружило ничего, кроме банки огурцов.

— Черт! — Павлик вскрикнул и прикрыл ладонью рот. — Я забыл огурцы.

— Оставь, их уже не спасти, — вздохнул Макс.

Существо обошло троллейбус, но так никого и не обнаружило. Оно ласково погладило теплый металлический бок всеми руками и ушло внутрь.

Макс и Павлик проехали на крыше несколько кварталов и аккуратно спустились, когда троллейбус остановился на светофоре.

— Наверное, нужно было проехать еще? Нам ведь по пути, — засомневался Макс.

— В самый раз. Иначе непонятно куда бы он нас увез.

— Может, хватит приключений на сегодня? — Максим смотрел вслед троллейбусу, прыгнувшему в реку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru